Постепенно с каждой новой экспедицией открывались нам и праздничные традиции жителей Приангарья. Именно там в 80-х гг. нам довелось услышать о так называемых «съезжи́х гуляниях», которые были приурочены к общим церковным праздникам, уникальном явлении сибирской старины. *Из дневника: «1982 год, 24 июля.* Мозгова́я Кежемского района Красноярского края одно из самых красивых ангарских селений с возвышающейся на угоре деревянной, построенной без

единого гвоздя, церковью (она и сейчас стоит, правда, в гибнущем виде № 40), от нее тянутся добротные дома; один выделяется необычным оконным верхом „ангелическим“ очéльем см. фото № 77). Здесь, в Мозговóй, я впервые почувствовала тоску русской души в старинной народной песне, которую по-вечернему тихо приплёскивал с другого берега реки летний, настоянный на свежескошенных травах, ангарский ветер; и каждый ее звук словно раскрывал перед вами необозримые просторы, уходящие в бесконечную даль:

Эх, уж вы. вы да ночи, да ночи тё.
Э-ой, да ночи тёмныя,
Ой, ночи да осённыя.

Ее тут же подняли и разнесли на голоса мозговски́е старики; через некоторое время уже звучала другая песня:

Чернобровый парень бравый
На заваленке сидел,
Вил верёвочку шелковую,
Песню сму́рную он пел:
„Вейся, вейся, не развея́йся,
Ты, верёвочка моя.
Для кого ж ты пригодишься,
Твоей судьбы не знаю я.
Может быть, ты пригодишься
В по́здню осень бурлакам,
Или этою верёвкой
Парня свяжут по рукам. “

Позже в другом конце Мозговóй глубокую тишину вдруг разрезал высокий фальцет женского голоса:

.А на сердце моём кровь запечённая,
Ой, и кровь запечённая с милым разлучённая.
Разлучила меня злая неволюшка,
Ой, злая неволюшка, железна решёточка.
Прихожу ли я домой дома все обедают,
Ох, а меня ли, молоду, посылают по воду.
А я по воду шла, шла и запиналася,
Ой, и что мне милый говорил, слёзно обливалася.
Вы не бейте меня, ой, да не ругайте меня,
А и я ещё ли молода, буду исправимая.
Я ещё ли молода, буду исправимая,
Ой, буду исправимая, но непокоримая.

И в этот вечер, казалось, пела вся Ангара. .». (ЛА). *Из дневника: «1982 год.* Ангара-то певу-у-уча!.. А раньше как? *На жнитво́* идёшь поёшь, *с бечево́й* идёшь поёшь, *или́мку* тянешь поёшь (.). А пели-то! У нас *тятя* запоёт *аж* тайга кололась!» (ЛА). *Из дневника: «1984 год.* Раньше собрёмся да как *зи́нем-зи́нем!*

[— *.Зи́нем?!* Собир.].

Но. Как запоём-запоём у-у-у! *Зи́нем-зи́нем*, это раньше так. Старики-то:

Эх, голоса *у мозговски́х!* Как *зи́нут* лампа гаснет!

Вот раньше гулянка дома идёт, а нас родители ко столам разоставят:

Но-ка, дявчонки, песню петь!

Вот мы так и научилися петь. Оне сидят, гуляют за столом, а нас у стола ставят. И нам приказывают, каку́ песню петь. Ребятишки стоят *поза́дь* столов, *поза́дь* столов стоим и песни поём *имя́м* (.). Гулянки больши-и-и раньше были. Мы вот такие были, я маленька, оне поют, мы поём. Матеря́, отцы поют, и мы *за имя́м*. А потом уж мы и сами стали петь:

Как под этой под кедро́й
Да добрый молодец лежал.
„Ой, ты вставай-ка, вставай,
Да добрый молодец,
Ты вставай-ка, вставай,
Да добрый молодец,
Ой, ты седлай-ка,
Седлай да коня доброго.
Коня доброго да седло новое“
Ой, как я се́ду на коня
Да ноги я вложу в струмена́.
Как я се́ду на коня
Да ноги я вложу в струмена́.
Ой, ноги вложу в струмена́.
Да разгуляюся по полю.
Поле чистое да широкое. (ЛА).

Устинья Ивановна Кокорина коренная жительница, полуслепая набожная старушка с чутким, отзывчивым сердцем. В ее бездонно-голубых, как Ангара, глазах проглядывала личность с глубоким пониманием жизни. Органично погруженная в прошлое, она живо, бойко, талантливо вспоминала о своей жизни. Однажды вечером, сидя у комелька, Устинья Ивановна выдохнула небольшое повествование о праздниках на Ангаре, когда в одну деревню съезжались многочисленные гости с округи, случалось, выезжали целыми деревнями (ЛА).

«Абро́сим праздники отбросил <. .> *Абро́симы-то,* оне в декабре бывают. До Рождества Христова праздников больше не быват. Он *съезжо́й* праздник, *Абро́симы-то.*

Его *в Селенгино́й* праздновали; *с Усо́льцевой* приедут, *с Ке́жмы*. Ездили. Ангара встанет, *дороги ледо́вы* прочистят, вот *до Пано́вой* чистили, *до Селенгино́й*. *Селенгина́-то* тоже на острову́. Тороса́ рубили. *Пано́вски* к нам *встречу* идут, рубят, а мы *к имя́м* идём, рубим, *к имя́м встречу*. Ездили друг ко дружке. Иконы носили. Это в декабре *Абро́симы*. Мы с иконам ходили. Мороз. *Ко́поть!* <. .> Это *счас запушти́лося* всё.

А раньше-то вот старухи-то были, *иконы подымали*. Соберутся. Много икон. По двое несут эту икону. Далёко уйдут. Дойдут *до Ке́жмы* и обратно. *Одновы́динкой* ходили. Иконки поставят, помолятся, просят Бога, чтоб здоровья дал. В поле-то часовёнка стояла. Там крест стоял. Его *нови́ли*. Сгниёт, его мужики *поновя́т*. *Не запуска́ли*. И вот ходили, *иконы подымали*. Больши́-то иконы вдвоём несут, поменьше один человек несёт. Из церквы вынесут *е*ти иконы, а мы ма́леньки, мама-то:

Устья, сади́ша под Бога!

Я сяду *под икону,* мне ребят дадут грудных, и иконы проносят чрез меня. Вот тако заведе́нье было. Я ма́ленька была, *под иконы* садила*ша*. Вот там кругом часовёнки поставят (…), по-за часовёнки. И Богу молятся. Вот. Иконой послави́нье делали, огражде́нье.

А у нашей мамы ссыльный жил. Абросим звали. Он н*е попуска́лся,* ходил, молился *в Абро́симы*. Праздник же его. С иконам пойдёт. Икону возьмёт, а у мамы больша́ икона была, возьмёт и идёт *со всемя́*. Ссыльный он. Их же раньше много было. По всёй Ангаре. Ссы́льны да *бродя́жны*. Раньше народ анга́рский жа́л*и*стливый был, буўлку хлеба, *простоки́шу* на столб ложили, кто кринку молока гли́няну, чтоб не пугали, не лезли. Их же боялиша, бродяг-то. А так ничё. Он идёт, поглядит: на столбу буўлка хлеба, молоко, *позо́бал* да дальше пошёў. А у деда моёго, это *тя́тиного* отца, дак у него в се́нцах окошечко ру́бленый был, *бродя́жка*, дак он в него ставлял. Молоко поставит, хлеб. На ночь. Утром встану, говорит, ни молока, ни ковриги. Вот эта *бродя́жка*. Да она у всех была. Боялиша же! Говорили: „Пойду *на бродя́жку-то* поставлю“ Значит, спать уже. Поздно. Вечером подои́шь и поставишь. Людей жалели.

У нас у мамы этот Абросим-то, он зимой жил, а так-то он *посу́тошник,* он по суткам жил по всёй деревне, у одн*е*х сутки поживёт, потом ко другим, там сутки опеть, дак всё говор*е*л:

Ох, матка, матка! он хохол, видно, бы*у*. Тебе охота на своёй лавке помереть? (. .) И мне тоже охота.

Он потом так *по зимнепу́тку* и ушёл <. .> *Дёготь* у нас *сидел* <. .> Там вот *смо́льный* был, *смоляны́ ямки* на краю-то, вот он всё *дёготь сидел, смо́лу гнал,* обеспеча́л нас. Всё туда, на родину, хотел уехать, в Хохляндию. Невинны же которы люди были сосла́*т*ы, хорошие люди были» (ЛА).